

Держал палку самый крепкий мужик в деревне, известный своей беспристрастностью. Когда удар пришёлся в последний раз, ягодицы Тун Эра распухли на два пальца в высоту.

Жена Тун Эра залилась горячими слезами. Только она собралась помочь мужу подняться, как её ловким прыжком оттеснила в сторону госпожа Тун:

— Ой, сыночек мой! Настродался-то как! Поглядите, личико-то совсем белое, ни кровинки... Жена старшего, ну и жестокая же ты душа!

Она вытерла лицо, похожее на древесную кору, и метнула на невестку яростный взгляд:

— Теперь довольна? Отравила жизнь человеку, даже родного деверя не пожалела!

Хотя она сама пришла, чтобы якобы помочь, поднимать сына не стала. Выругавшись на жену Тун Да, она прикрикнула на жену Тун Эра:

— Чего застыла? Своего мужа не жалко? Глаза разуй, непутёвая! Живо поднимай его, уходим!

Разыграв этот спектакль, госпожа Тун уже собралась было уходить, но путь ей преградила высокая фигура.

— Бабуля, не спешите, — ласково произнёс Суй Чжунь.

При звуке этого «бабуля» у госпожи Тун всё внутри сжалось от боли. Её драгоценная деревянная трость — редкая вещица, которую подарил младший сын, живший в городе, — была отобрана этим мужчиной, который с медовой улыбкой на устах называл её бабушкой.

— На самом деле, есть ещё одно важное дело, которое я хотел обсудить, — сказал Суй Чжунь.

Все удивлённо уставились на него. Что может быть важного у мужчины, который недавно вошёл в эту семью в качестве невестки?

Сердце жены Тун Да забилося, как барабан.

Неужели! Неужели этот парень сейчас расскажет о том, как его насильно выдали замуж, и потребует у старосты справедливости? Хотя поначалу он и вправду был против, но ведь всё это время ел хлеб из их дома! Как же он может так быстро переобуться?

Она в панике дёрнула Тун Сю за рукав, подавая знаки глазами: «Уйми свою жену!»

Но Тун Сю сейчас безоговорочно доверял Суй Чжуню и сигналов матери совершенно не

замечал. Он лишь думал о том, какой же его супруг всё-таки крутой.

— Я хочу... — Суй Чжунь прочистил горло.

Жена Тун Да, решившись на всё, бросилась вперёд, чтобы закрыть ему рот.

— Разделиться! — выпалил Суй Чжунь.

Движения жены Тун Да застыли. Она не могла поверить своим ушам: он не стал жаловаться на свою судьбу, а решил вступить в борьбу за них? А ведь она сама мечтала о разделе семьи уже очень давно.

Услышав это слово, госпожа Тун подпрыгнула на три чи:

— Какой ещё раздел? Я ещё жива, а вы уже о разделе заговорили, неблагодарные твари! А ты вообще кто такой? Тебя тут никто не спрашивал, откуда взялся этот дикий мужлан...

— Кхе-кхе. — Староста негромко кашлянул, прерывая её поток брани. — Сказано, конечно, грубо, но доля правды есть. Пока родители живы, о каком разделе может идти речь?

В деревнях так заведено: родители — главные, и только им решать, быть разделу или нет. Обычно, пока отец и мать живы, семьи не делят, чтобы люди не судачили о плохой атмосфере в доме и неблагодарности братьев. Деревня — это маленькое общество, где все знают друг друга до последнего гроша, и если у семьи дурная слава, то потомкам даже жениться будет трудно.

Но в доме Тун и так уже творится такой балаган, что стоило ли ещё о чём-то беспокоиться?

Суй Чжунь приподнял бровь. Смогут ли другие члены семьи Тун найти себе пары — его не волновало. Главное, что его «мальчик» уже пристроен. А на остальных плевать.

Жена Тун Да отнеслась к предложению куда активнее. Госпожа Тун всегда прикрывалась тем, что семья единая, и хотя выгнала старшую ветвь из дома, поля и усадьбу держала в своих руках, не давая старшим ни гроша. Сейчас те несколько му земли, которые жена Тун Да возделывала в поте лица, были арендованными, и в неурожайные годы урожая едва хватало на оплату аренды. Она жаждала раздела всей душой.

— Староста! — она с размаху упала на колени и принялась перечислять все обиды, что терпела годами: жадность деверя, несправедливость свекрови. Она рыдала навзрыд.

Суй Чжунь понял: дело плохо. Жена Тун Да выбрала неверный тон. В древности превыше всего ставилась сыновья почтительность, а в таких клановых деревнях эти правила были законом. Даже если невестка страдает, обвинение родителей в глазах общества — тяжкий грех.

Родительская любовь священна, и даже если свекровь несправедлива, дети обязаны терпеть. Если она открыто жалуется, то становится «непочтительной», и никто не встанет на её сторону. Даже староста, захоти он помочь, не смог бы ничего сделать.

Действительно, староста нахмурился, и лицо его стало суровым.

— Мама! — громко воскликнул Суй Чжунь, перебивая жену Тун Да и привлекая всеобщее внимание. — Ты, должно быть, так сильно переживаешь за отца, что наговорила лишнего? Ох, мой бедный свёкор...

Суй Чжунь принялся качать головой и вздыхать, красочно описывая, как тяжело приходится Тун Да в доме. Хотя он сам и в глаза не видел этого свёкра, его врождённый талант «отличника-сочинителя» позволил описать всё так искренне и живо, что у некоторых особо чувствительных женщин на глазах выступили слёзы.

Надо признать, несчастья и боль во многом похожи. Хоть слова Суй Чжуня были выдумкой, они попали в самую точку — в то, что на самом деле беспокоило семью Тун. Жена Тун Да уже не могла стоять от слёз, деревенские тётушки подхватили её под руки, сочувствуя и тоже плача. У Тун Сю покраснели глаза, и его упрямое нежелание плакать вызывало лишь ещё больше жалости.

Сам Суй Чжунь выдавить слёзы не мог, поэтому просто сделал вид, что вытирает их, яростно натирая глаза до красноты. Затем он печально произнёс:

— Когда свёкор был здоров, он не жалел сил ради этой большой семьи. А теперь, став калекой, он страдает больше всех. Всё, чего хочет моя свекровь — это получить часть имущества, чтобы направить её на лечение мужа, чтобы он не решился на непоправимое. Староста, односельчане, ведь супружеский долг — это на всю жизнь!

Все вокруг зашумели. И то правда: после того как с Тун Да случилась беда, госпожа Тун прибрала к рукам все деньги и не дала ни единой монетки, пичкая его лишь травами, собранными на горе. В том, что Тун Да стал калекой, немалая вина госпожи Тун, которая затягивала лечение. Для него это было двойным ударом: во-первых, увечье, во-вторых — осознание, что родная мать бросила его на произвол судьбы. Разве тут не захочешь свести счёты с жизнью?

Суй Чжунь говорил убедительно, приводя веские доводы, так что даже жена Тун Да поверила в его слова. Она совсем забыла, как сама дома бранила мужа, и, простёртая на земле, завывала:

— Муж мой! Как же ты страдаешь! Это всё я, никчёмная...

Лицо старосты смягчилось.

— Что касается Тун Да, тут родители действительно проявили предвзятость. Вы и правда натерпелись, — сказал он.

Суй Чжунь тут же подхватил:

— Мы не жалуемся, просто у отца нет денег на лечение, и так продолжаться не может. Поэтому мама и хочет разделиться, чтобы пустить долю старшей ветви на его спасение. Это ведь не ущемит интересы остальных братьев, верно, мама?

Жена Тун Да, конечно, думала не совсем об этом, но почему-то этот высокий парень сейчас казался таким надёжным, что хотелось следовать за его мыслями. Она кивнула.

Староста пошёл навстречу:

— Это ради мира между братьями, вынужденная мера. Госпожа Тун, что скажете?

Госпожа Тун опешила. Что она могла сказать?

— Раздела не будет, и точка! — отрезала она.

Староста:

— Тогда доставайте деньги на лечение ноги Тун Да.

Госпожа Тун:

— ...Денег нет!

Староста:

— Тогда делим семью.

Госпожа Тун:

— ...

<http://bllate.org/book/19375/1893810>